

КОСТРОМА. Смех утративших надежду

Спектакль «Нас обвенчает прилив...» по пьесе французского драматурга-мыслителя середины XX века **Жана Ануя** «Ромео и Жанетта» впервые вошел в репертуар **Камерного драматического театра п/р Б.И. Голодницкого** десять лет назад, но тогда он не получил долгой жизни. В 2014 году «Прилив...» буквально ворвался на сцену театра вновь, но с посвящением памяти первого постановщика — **Ольги Евгеньевны Голодницкой**.

Все пьесы Жана Ануя ставят вопрос о смысле человеческого существования. «Ромео и Жанетта», как и многие другие произведения автора, поднимает тему памяти, которая тяжелым грузом угрызений совести и обид мучает героев, закрывая путь к счастью. Пьеса истинно театральна и поэтична. Ее персонажи сочетают в себе эмоции греческой трагедии и естественность бульварного театра, и исполнителям непросто найти в себе общие черты с воплощаемыми ими полугротескными образами. Не случайно театр не мог восстановить постановку долгие десять лет — в коллективе не было актрисы на роль главной героини.

Художественное оформление постановки приобщает зрителя к искусству еще до начала действия. Коробку сцены **художник-постановщик Борис Голодницкий** ограничил декорациями со всех сторон — грубые, необструганные доски закрывают пол и служат задником, висят допотопные авоськи с пустыми жестянками, сверху навесом спускается что-то вроде рваных рыболовных сетей, валяются перевернутые плетеные кресла и стол. Несмотря на то, что эти примитивные средства создают реалистическую иллюзию нищенской грязной лачуги на побережье, она не производит отталкивающего впечатления, скорее, наоборот — завораживает своим цветовым решением. Все поверхности как ретушью покрыты сизо-голубой краской, которая дает лишь легкий оттенок, подкрепленный таким же неопределенно-синим сфумато софитов. Композиция в своей стилистике

напоминает полотна великих художников — Питера Брейгеля-старшего или ранние акварели Винсента Ван Гога.

Музыкальное оформление в русле психологической концепции о глубинной связи цвета и звука буквально вырастает из романтически-таинственной палитры сцены. Композиции из мюзиклов «**Моцарт. Рок-опера**» **Ж.-П. Пило** и **О. Шультеза** и «**Ромео и Джульетта**» **Ж. Пресгурвика** здесь становятся одним целым со сценографией, органичным и мощным инструментом воздействия. Музыка в постановке режиссеров **Ольги** и **Станислава Голодницких** сопровождается практически все сцены, порой достигая такой силы звука, что, кажется, ее цель — парализовать волю зрителя, заставить забыть, что кроме оживших героев Ануя существует еще жизнь. Непросто выдерживать такой напор, доля тишины, которая тоже «звучит» в мощном музыкальном обрамлении, может быть увеличена. Идеальное попадание и избыточность — достоинство и недостаток музыки в «Приливе».

Но сначала — полное затемнение и приглушенные звуки инструментальной музыки. Под печально-лирический перебор струн в темный зал с криком врывается первая героиня — Юлия, которая ничего другого и не ожидала, но все равно потрясена зрелищем погрома. Ее не ждали дома, хотя она просила и даже выслала деньги. Фредерик, ее жених, настоял на знакомстве с ее семьей. Так они оба оказываются в родном для Юлии, но давно запущенном доме, о котором честная, трудолюбивая Юлия хотела бы забыть, как и о своем убогом детстве. Здесь Фредерик знакомится с Жанеттой, сестрой Юлии, и эта встреча нарушает «правильный» ход вещей, создавая жестокую дуэль между долгом и внезапно вспыхнувшей любовью.

Дуэт Юлии и Фредерика существует в двух составах. Юлия **Татьяны Бондик** — сильная, волевая, даже жесткая, она непреклонна и несентиментальна. Оказавшись в доме детства, она чувствует себя униженной, стыдится своих опустившихся, оборванных от-

Юлия – Т. Бондик, Отец – В. Костицин, Люсьен – А. Дегтярев

ца и брата. Ей важно показать, что она другая и к ним не имеет никакого отношения, однако при первом бурном появлении она ведет себя именно в традициях своего разбитного жилища. Правильные, красивые черты лица актрисы искажены ненавистью к семье и, вероятно, скромный солдатик Фредерик этой целеустремленной женщине кажется подходящим партнером для построения правильной жизни, с которым можно шагать в ногу. До встречи Фредерика с Жанеттой Юлия Татьяны Бондик не боится сестры, скорее, презирает ее.

Юлия **Натали Трыновой** мягче, иначе она ведет себя и со своими близкими. В ее упреках опустившемуся отцу слышны нотки скрываемой нежности, жест, которым она поправляет ему воротник рубашки, говорит о нереализованном дочернем чувстве. Замечательно сыграна сцена, когда она приходит с тушкой зарезанного ею цыпленка. В девушке видно и чувство унижения от того, что она все же взялась готовить завтрак семье, которая невнимательно отнеслась к ее приезде, и неловкость от крови на руках – она нервно вытирает их о фартук, как бы стараясь стереть следы совершенного убийства.

Героиня Татьяны Бондик здесь, скорее, делает то, что считает нужным.

Юлия Трыновой опасается предстоящей встречи со своей непутевой сестрой, которой, на словах выражая презрение, она поженски завидует. Интуиция ее не подводит – Фредерик влюбляется в оборванную дикарку Жанетту.

Дмитрию Пивоварову и **Валерию Бахтавлатову**, исполнителям роли сдержанного и положительного Фредерика, приходится непросто. Взрывоопасные Юлия и Жанетта делают, что хотят, и не так просто понять, почему сильные, своевольные женщины борются за этого холодного парня. Очевидно, они ищут в нем стабильность, которой нет ни в их детских воспоминаниях, ни в них самих.

Жанетта в исполнении **Виктории Маркиной** – юная хрупкая девушка и ведьма на грани безумия. Даже в лохмотьях из сетки изящная, она похожа на цыганку. Громадные карие глаза могут испугать и заморозить кого угодно – партнера по сцене или любого в зале. Ее первое появление с диким криком из-за гибели любимого цыпленка по имени Леон, кажется, показывает глубину привязанности

Юлия – Т. Бондик, Люсьен – А. Дегтярев

к птичке. Но, когда опечаленная Юлия с Фредериком уходят, вдруг поднимается штормовой ветер, в зал летят перья и Жанетта смеется – страшно, демонически, отчаянно.

Не отстаёт от нее и брат, опустившийся после измены жены Люсьен. **Алексей Дегтярев** профессиональной игрой и талантом делает своего героя-провокатора выразителем рока, почти ветхозаветным пророком. Каждый взгляд, каждое слово артист подкрепляет пластикой, не менее богатой, чем интонация речи. Он передразнивает всех, юродствуя и ломая порядок. Люсьен, своей заиканностью на статусе роконосца, кажется, во многом утратил человеческие черты, его дикость проявляется и в смехе, и в шаманских плясках с обнаженным торсом, и в проверке возможных остатков в жестянках и разбросанных пустых бутылках. Но ироничный и испытующий взгляд Люсьена не позволяет ошибиться – этот человек не утратил разум, и мечта его – увидеть когда-нибудь настоящую любовь, даже если не дано пережить такую самому. Люсьен Дегтярева остро переживает за Жанетту, верит и не верит в их отношения с Фредериком одновременно: Жанетта, как и Юлия, хотела бы

порвать со своими воспоминаниями, но делает это неприемлемо для прямолинейного Фредерика – она выдумывает себе жизнь, врет по мелочам и по-крупному. Люсьен и Жанетта Маркиной – герои с раненой памятью, их смех – всегда над собой и так и не приобретенной верой в будущее.

Отец Юлии, Жанетты и Люсьена (заслуженный артист Костромской области **Виктор Костицин**), позер в рваном фраке, на протяжении почти всего спектакля смеется, изображая легкомысленность и пустоту, громко рассуждая о стремлении человека к счастью. Он заявляет: «Больно не бывает!» – имея в виду душу. Но когда кажущийся равнодушным герой видит, что Жанетта и Фредерик вот-вот будут поглощены неуловимым морским приливом – не выдерживает и бежит за ними, в гибельную стихию. Люсьен закольцовывает постановку, яростно разбрасывая мебель, возвращая в состояние погрома первой сцены – для тех, кто остался, ничего не изменилось. Кроме одного: Люсьен видел любовь, для которой секундное отклонение от объятий – уже измена.

Спектакль «Нас обвенчает прилив...» Костромского камерного драматического теат-

Фредерик –
В. Бахтдавлатов,
Юлия – Т. Бондик

ра получился необычайно цельным по художественному, музыкальному оформлению и по сложившемуся гротесково-психологическому стилю игры актерского ансамбля. Поиск гармонии в болезненных эмоциях героев Ануя давался артистам и режиссеру-постановщику Станиславу Голодницкому через боль и отказ от привычных техник, но муки стоили ощущений после первого же показа – осознания рождения спектакля, рождения ярких, запоминающихся персонажей Виктории Маркиной, Алексея Дегтярева, Виктора Костицина. От первого впечатления своеобразной эстетикой декораций до ломаных танцев в финале, постановка властно держит эмоции зрителя, благодаря чему спектакль мгновенно стал новой визитной карточкой Камерного театра, каковой некогда была философская сказка «Маленький принц».

Необходимо сказать хотя бы несколько слов об этом театре.

Камерный драматический театр супруги Ольга и Борис Голодницкие с самого его основания в 1998 году выстраивали на эстетической платформе романтического направления.

Первой постановкой и декларацией художественного кредо театра стала философская сказка по мотивам повести Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц». Тогда

исполнитель роли Принца, их одиннадцатилетний сын Станислав получил Гран-При за лучшую мужскую роль Международного театрального фестиваля в финском Тампере.

Театр камерный. Это означает, что зрители здесь чувствуют оголенный нерв артиста на сцене, обжигаются его током. Здесь не сфальшивишь, не скажешь свою реплику формально – глядя в глаза врать трудно. Это не тот театр, куда можно «выгулять» новое платье, зайти ради тусовки – нет подходящего антуража, а крохотный зальчик вмещает всего 80 человек. И люди сюда приходят только ради событий на сцене.

В репертуаре театра сегодня пьесы отечественные и зарубежные середины XX–начала XXI века, для всех постановок, психологически-бытовых, фарсовых или минималистических, характерен поиск и эксперимент в своем, романтическом направлении.

Ровно год назад, в канун пятнадцатилетнего юбилея коллектива, не стало Ольги Евгеньевны Голодницкой, основателя и главного режиссера театра, вдохновителя и мудрого советчика для каждого, кто с ней работал. Должность главного режиссера взял на себя ее сын – режиссер и актер Станислав Борисович Голодницкий.

Мила МОКРИНСКАЯ
Фото из архива театра